

АВТОР:
КСЕНИЯ ШЕФЕР

A young woman with long, flowing red hair is the central figure. She is looking slightly to the left with a serious expression. She wears a dark, possibly black, garment. In her right hand, she holds an open book. From the pages of the book, a thick, vibrant red mist or smoke billows out, swirling around her. The background is dark and textured, featuring a large, faint, light-colored pentagram or star shape. The overall mood is mysterious and magical.

ДРУГАЯ
СТОРОНА

16+

Ксения Николаевна Шефер

Другая сторона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45252904

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-8987-7

Аннотация

Сказочная жизнь заканчивается, когда Генриетта узнает о том, что ее родители – вампиры, и о том, что ей вскоре предстоит стать одной из них. Действие происходит в параллельном мире Рендорн, где живут разные диковинные существа. Девушке предстоит пройти ряд испытаний для становления вампиром и подготовку для них. На пути к своей цели – стать истинным вампиром, ей попадается немало опасностей и трудностей. Сможет ли она справиться со всеми задачами или опустит руки, так и не достигнув желаемого?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3.	14
Глава 4.	20
Глава 5.	29
Глава 6.	37
Глава 7.	48
Глава 8.	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1.

Генриетта проснулась от громкой трели своего будильника. На циферблате уже красовались ненавистные ей цифры "06:00". Она закрыла глаза и мысленно прокляла весь этот мир с его глупыми правилами.

– Ну зачем вставать в такую рань, если у меня каникулы!?

Девушке была непонятна тяга родителей жить по строгому распорядку дня, планируя почти каждую минуту своей жизни. Отец всегда объяснял это тем, что они с мамой *"люди старой закалки"*.

Преодолев дикое земное притяжение, которое выполняло свою работу лучше всего по утрам, она направилась в ванную.

Кафельный пол встретил свою хозяйку обжигающей прохладой, от чего Генриетта моментально проснулась. Сняв белый махровый халат, который непонятным образом оказался на её плечах, Гера юркнула в душ, закрыв за собой полупрозрачную матовую дверцу, и включила воду. Бодрящие потоки струились по бледному стройному телу и заставляли кровь циркулировать по венам быстрее. Светлой коже, которую девушка получила в наследство от родителей, позавидовала бы любая красотка девятнадцатого века. И как бы раньше девушка не пыталась скрыть этот аристократичный подарок, за семнадцать лет бледность полюбила её и даже стала

главной изюминкой внешности.

Закончив принимать душ, Генриетта подошла к зеркалу, чтобы уложить пышные огненно-рыжие волосы и нанести легкий макияж. В отражении с самого утра ей всегда улыбалась милая девушка, сверкая глазами-изумрудами. В них с детства можно было увидеть океан любви, который открыли для нее родители. Девушка, чья жизнь была похожа на сказку, не знала о горе и несчастьях, ей не были знакомы бытовые проблемы обычных людей.

– Генриетта Романовна, Вы можете спускаться к завтраку. Ваши родители присоединятся через пару минут, – сказал, внезапно появившийся, дворецкий.

– Бог мой! Чарльз! Вы до смерти меня напугали! – тяжело дыша от испуга и посильнее запахивая халат, ответила Генриетта.

– Прошу прощения, я стучал, прежде чем войти. – Все тем же спокойным тоном ответил дворецкий. – Если никаких просьб нет, с Вашего позволения, я удаляюсь.

– Да, конечно, ты можешь идти. Я буду через пять минут. Дворецкий, служивший в семье Волковых с самого начала их безбедной жизни, был высоким, статным мужчиной лет пятидесяти. Казалось, что он застыл в этом возрасте навечно, настолько не менялась его внешность за последние годы.

Генриетта надела своё любимое зеленое платье, идеально подчёркивающее хрупкость девушки, и спустилась к завтраку, где к её удивлению ещё никого не было. Завтракать

в одиночестве она не любила, поэтому решила поторопить родителей сама.

Девушка очень любила свой дом и знала, наверное, каждый укромный уголок огромного здания. Она могла часами обходить роскошные фамильные владения, забыв о времени. Коридор, в котором находились спальни, был широким, на полу располагался красный мягкий ковёр, а стены украшали подвешенные горшки с алыми цветами, которыми пахло в каждой комнате этого коридора.

Подойдя к спальне родителей, Гера заметила, что дверь не заперта. Изнутри доносились голоса, и невольным образом юная Волкова стала свидетельницей странного разговора супругов.

– ...Ты же понимаешь, что скоро её совершеннолетие, Роман! – возбужденно тараторила Виктория. – Нам нужно её посвятить в такие важные вещи! Мы больше не можем оттягивать этот разговор!

– Дорогая, я всё помню, у нас есть целых три месяца, чтобы ввести Геру в суть проблемы. Девочке предстоит ещё многое понять, во многом разобраться. На это нужно время, у неё его ещё предостаточно, – Роман тяжело вздохнул.

– Знаешь, милая, я боюсь, что она может нас не понять, принять не за тех, кем мы являемся...

– Ром, она же наша дочь, умная девочка, она справится, всё будет хорошо, мы всегда будем с ней рядом, ты же знаешь, – Виктория поглаживала супруга по спине, они оба сто-

ляли у открытого окна, наслаждаясь свежим воздухом.

– Я так люблю солнце, очень странно, что мы... – он за-
пнулся, как будто опасаясь, что их услышат. – Очень стран-
но, что наша судьба сложилась так, что у нас нет возможно-
сти сполна им насладиться.

Виктория молча стояла рядом, и муж без слов понимал,
что она согласна с ним, ведь это была их общая судьба, ко-
торую они оба поклялись нести на своих плечах.

Генриетта была потрясена тем, что услышала. *"Не теми,
кем мы являемся..."*, что это могло значить?! Неужели, у ро-
дителей есть какие-то тайны от любимой и единственной до-
чери? Она всегда считала, что не договаривать или скрывать
что-то друг от друга, в их семье не принято, но что всё это
значит теперь? И что ей предстоит узнать настолько ужасно-
го, что родители так переживают за крепость семейных от-
ношений?

Девушка брела по коридору, утопая в нескончаемом пото-
ке вопросов, и совершенно не заметила, как подошла к обе-
денному столу, уже давно ожидавшему своих хозяев. Пахло
любимым завтраком домочадцев: оладьями с шоколадным
сиропом. Аппетита совершенно не было.

Но тут внимание девушки привлекли письма, лежавшие
на краю стола. *"Граф Темницкий"*, значилось на конверте, го-
род *"Рендорн"*.

– Это что ещё за город такой? – вслух спросила Гера. Но
быстро смолкла, когда за спиной послышались шаги. Это бы-

ли родители.

Глава 2.

Тишину, воцарившуюся за завтраком, нарушал звон столовых приборов. Спокойствие родителей, казавшееся в данный момент девушке неуместным, только усиливало ее внутреннее волнение. Впервые в семье Волковых появились тайны друг от друга. А может они были всегда? Просто сегодня всё случайным образом стало известно? Чего еще можно ожидать от родителей? Всегда ли они честны с ней?

Вот, с невозмутимым видом, опустил свой бокал на белое полотно скатерти отец. Острый подбородок, высокий лоб, ярко выраженные скулы, девушка невольно залюбовалась этим мужчиной. Мама едва заметно поерзала на стуле. В кухне слышалась возня.

Звук ножа, скользнувшего по серебряной тарелке, заставил Генриетту содрогнуться. Пульс застучал в ушах, а ладошки предательски вспотели. От нетерпения девушка начала считать про себя.

Один. Два. Три. Четыре...

Тишину нарушили слова, слетевшие с алых губ Виктории. Высокая, стройная, с такой же бледной кожей, что и у дочери, она всегда была центром внимания среди мужчин, и главным поводом для сплетен среди женщин. Женщина робко поправила прядь иссиня-черных волос, которая выпала из аккуратно убранный причёски. Генриетта не смогла оставить

этот жест без внимания.

– Доченька, через три месяца тебе исполнится восемнадцать лет. И это событие необычайно важное не только из-за того, что ты вступаешь во взрослую жизнь, – она едва заметно вздохнула и бросила взгляд на супруга. – Всё это – мелочи, по сравнению с тем, что отныне ты становишься нашей помощницей, а семейный бизнес станет для тебя неотъемлемой частью жизни, – спокойность, которую так тщательно поддерживала Виктория дрогнула, когда она увидела округлившиеся глаза дочери.

Заметив это, девушка попыталась взять себя в руки. Сейчас не время для сцен. Нужно попытаться объяснить родителям, что она не лучший кандидат на роль бизнесвумен. Сделав два глубоких вдоха, девушка приготовилась обрушить на маму все свои весомые (на ее взгляд) доказательства.

Гера не могла поверить, что это происходит с ней в данный момент. Еще утром она проснулась свободной, ничем не обремененной девушкой, а сейчас на нее пытаются повесить целый бизнес! Конечно, она знала, что однажды это произойдет, но она не ожидала такого скорого разворота событий.

– Мам, я же совершенно ничего не понимаю в том, чем вы занимаетесь. Да я даже не знаю, чем вы занимаетесь! – с нарочитой спокойностью проговорила девушка. Она ощущала, что, если сейчас завяжется спор, девушке будет трудно держать себя в руках.

– Ничего страшного, милая, это совершенно нормально.

Многие дети из нашего общества в твоём возрасте уже имеют успешные кампании и без труда ими управляют, – с легкой улыбкой ответила Виктория.

– А как же дальнейшее образование? Получить профессию? – судорожно подбирая все новые и новые варианты, пыталась спасти себя Генриетта. Если и это не сработает, все тщетно. Значит, родители решили взяться за дело серьезно.

– С нашим бизнесом тебе не потребуется другая профессия. Он сможет приносить доход еще долгие, долгие годы, – казалось, Викторию ничем не сломить.

– Но...

Не успела она договорить, как вмешался Роман:

– Гера, все твои попытки отказаться от нашего предложения бесполезны. Мы с мамой уже все решили. Так будет лучше и для тебя, и для нас, – опустив бокал красного дорого вина, отчеканил отец. Его поразительной способности держать свои эмоции под контролем Гера всегда завидовала, ей не хватало этой отцовской черты в своём вспыльчивом характере.

Он был тем самым мужчиной, которых описывают в любовных романах: высокий, серьезный, на вид лет тридцати. Его темные волосы переливались в лучах восходящего солнца. Почти черные глаза, обычно наполненные любовью и заботой к близким, сейчас настороженно и строго смотрели на дочь.

– После завтрака мы с папой ждём тебя в библиотеке, тебе

придётся ещё кое-что узнать, – ее голос стих почти до шепота. – Но об этом мы не можем рассказать здесь, – проговорила Виктория, бросив растерянный взгляд на мужа.

С необычайной грацией Роман со своей супругой поднялись из-за стола. Мать медленно подошла к дочери, положила ей руку на плечо и оставила едва заметный поцелуй на макушке. Роман, ожидавший свою супругу, бросил на нее несколько строгий взгляд, будто упрекая ту за излишнюю сентиментальность.

Они поднялись на несколько ступеней, но вдруг Роман резко остановился, с силой втянул воздух и с тоном, не требующим возражений проговорил:

– И ещё, Генриетта, тебе придётся бросить школу.

Девушка метнула разъяренный взгляд в удаляющиеся спины родителей. Реальность происходящего ускользала от девушки с каждой минутой. Гера осталась одна со своими взбесившимися в одно мгновение мыслями. Бросить школу означало оставить всю жизнь в прошлом.

Как только она перестала слышать гул каблуков, то ощутила на своих губах солоноватый привкус слез. Дав себе пару минут на слабость, Гера промокнула их салфеткой и взяла полупустой бокал со стола. Терпкий и кисловатый вкус вина и отдушки алкоголя отрезвили разум. Обжигающий напиток обволакивал горло, заставляя все страхи уйти на второй план. И вот, ноги сами понесли ее навстречу судьбе. Страшно-неизвестной судьбе.

Путь до библиотеки был коротким, а время все намеревалось ускорить предстоящую казнь. В голове гудели мысли, словно там засел рой диких пчёл. Пол скрипел под ногами при каждом, нетвердом шаге, и это заставляло понервничать ещё какое-то мгновение. Внезапно девушку заинтересовали висящие в кашпо цветы. Красное пламя, украшающее каждый коридор дома. Кажется, она выпила немного больше, чем половина бокала.

От выпитого вина, цветы в дальнем углу комнаты превратились в размытые пятна. Ноги слегка подкашивались, становились ватными. Генриетта прислонилась к стене и глубоко задышала. Прошло еще несколько минут, которых хватило, чтобы алкоголь выветрился, уступая место новой волне страха. Но деваться было некуда и пришлось идти вперед.

И вот она – дверь в библиотеку, дверь в новую жизнь...

Глава 3.

Перед глазами появилась самая любимая комната в доме. Именно в библиотеке девушка проводила большую часть свободного времени. Изучая старые тома неизвестных книг, даже названия которых было невозможно прочитать из-за старости, девушка забывала обо всём на свете. Но больше всего ее привлекали книги, написанные на неизвестном Гере языке. Казалось, что это заклинания тёмных и светлых колдунов, которые могут многое изменить в этом мире. Она бы хотела изменить.

Сама комната была достаточно светлой и просторной для библиотеки. Свет, пробивавшийся сквозь стеллажи, оставлял на узорчатом полу яркие полосы. Стены, на первый взгляд пустые и свободные от лишней нагрузки, собрали на себе коллекцию великолепных портретов. И несмотря на свои колоссальные размеры, картины все равно не достигали потолка.

Ни один из «жителей» этих картин не был знаком Гере, но в своих фантазиях девушка представляла их как одну большую семью. Портреты в полный рост были выполнены рукой талантливого художника. Но одна из картин вызывала в Гере особые чувства. Она не могла объяснить тот факт, что полотно откликается в сердце ностальгией. Странное ощущение того, что девушка видела этих людей. В жизни, возмож-

но, случайно сталкиваясь с ними в торговом центре, но она чувствовала, что черты их лиц имели место в сердце. А может она всего-навсего дала волю воображению?

На этой «особой» работе изображались двое: мужчина в темно-зеленном мундире и женщина лет семидесяти в платье (наверняка, времен Екатерины второй). Они стояли рядом, мужчина нежно держал руку своей возлюбленной и, казалось, что глаза его светились счастьем даже с полотна картины. Женщина всегда притягивала к себе взгляд Генриетты: те же огненно-рыжие волосы, казавшиеся нереальными из-за столь уважаемого возраста, струились по плечам и были немного короче волос Генриетты. Глаза так и мерцали малахитовым сиянием. Наверное, это было отличие художника, писавшего все портреты в их доме. Он мог изобразить глаза любого особенно живыми на своих работах. А мужчина, который был изображен рядом, очень напоминал отца Генриетты, каждая мелочь напоминала его, только немного старше и слегка полнее.

В углу, у самого края стены висел семейный портрет Волковых, совершенно не вписывающийся в общую идиллию ее воображаемой семьи. Он был выполнен совершенно другим мастером, это было ясно сразу, и в глазах изображенных не было того блеска, что был у остальных собравшихся.

От мыслей её отвлек шум из дальнего конца библиотеки. Это были родители. Теперь Гера вспомнила, зачем она здесь. Ком подбежал к горлу в считанные секунды. Девушка мед-

ленно обходила стеллажи с книгами, чтобы добраться до источника звука. Прошла пара минут, и Гера отчётливо начала слышать разговор родителей.

– ...ты сказал, что положил портал сюда! Где же он! – в растерянности бормотала Виктория, вытаскивая книги одну за другой. Ее взгляд метался сверху вниз, даже не успевая зацепиться за что-то одно.

– Ничего не пойму, – всплеснув руками выдохнул Роман. – Он был здесь, я не переставлял книги в этом отделе.

У Геры от этих слов каждый волосок на теле встал дыбом, ведь это именно она вчера была здесь и искала, какой книгой отвлечься от скуки. Она замедлила шаг, подбирая нужные слова.

– Это я вчера была тут, – едва выглянув из-за полки, подала голос девушка. – Видимо, и книги переставила я, – опустив взгляд в пол пробормотала она.

Роман с удивление уставился на дочь. В его взгляде можно было разглядеть целый спектр эмоций, от удивления, до дикого негодования.

– Что!?! Но... почему он не открылся, если ты брала его в руки? – вопрошающе взглянув на жену, спросил Роман.

– Дорогой, ты забыл? – положив супругу руку на плечо проворковала Виктория. – Ей ещё нет восемнадцати, она не прошла посвящение, а значит, всё ещё в "человеческой фазе", – последние слова Виктория произнесла практически одними губами, чтобы Гера ничего не услышала.

Непонятные перешептывания родителей и их хитрые взгляды в сторону дочери, Гере порядком надоели. Она чувствовала себя так, словно от нее скрывают секреты создания мира. Непривыкшая к тому, что ее в чем-то обделяют, пусть это даже какая-то информация, девушка жестом попросила родителей прекратить разговоры и произнесла, стараясь при этом быть как можно строже:

– Так! А теперь объясните мне, что происходит, иначе я не скажу, куда убрала тот... этот... в общем, то, что вы сейчас ищите! – в полном замешательстве выпалила Гера.

– Солнышко, мы не можем пока ничего сказать, нам нужен ПОР-ТАЛ, – по слогам произнесла Виктория. – И мы всё тебе объясним, я обещаю, только скажи, где он, – взяв девушку за плечи, слегка потрясла ее Виктория.

– Хорошо, – вздохнув, сдалась дочь. – Он на третьей полке сверху, у последнего стеллажа, четвертая книга слева, – не понимая почему, так чётко сказала Генриетта. Порой она забывала положенный в задний карман джинсов телефон. Но эту книгу не выпускала из памяти с того момента, как она выбралась из ее рук. Еще одной странностью было то, что она сразу поняла, о какой книге говорят родители, хотя называли они её "портал".

– Ого! Вот это память! – с восхищением воскликнул Роман и ушел туда, куда указала Генриетта. Его действия были четкими, будто спланированными заранее.

– Когда-то и у нас с тобой была такая... – мечтательно

протянула Виктория.

Спустя несколько секунд послышались радостные вопли Романа:

– Нашел! Не подвела твоя девичья память! – он широко шагал навстречу своим любимым дамам, одаряя их фирменной улыбкой. В руках у него была чёрная, как тьма, книга, размерами не больше кирпича. Из нее едва заметно лился тёмно-красный свет. Картина выглядела весьма мрачно и пугающе. По спине девушки побежали мурашки. Ноги будто пристыли к тому месту, где стояли.

Гера сжалась и с силой вцепилась в мамину ладонь, которая оказалась холодной, как лед. Но даже это не было столь удивительным, чем зрелище, открывшееся перед девушкой. Мама могла легко замерзнуть на сквозняке. Но как объяснить этот загадочный свет? И почему он так манит к себе девушку? Виктория весело расхохоталась и приобняла дочь за плечи, шепча при этом:

– Не переживай, мы всегда будем с тобой, что бы ни случилось – эти слова придали девушке немного храбрости.

– «Если родители так спокойно к этому относятся, почему меня должно что-то пугать?» – подумала Генриетта.

Когда Роман раскрыл книгу, комнату заполнил густой кровавый туман, от которого девушка не могла оторвать взгляд. Спустя мгновение он стал таким ярким, что глаза не выдержали и Гера зажмурилась. Все тело пронзил легкий электрический разряд, он вызывал дискомфорт, но никакой

боли не было.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Девушка долго не хотела открывать глаза, боясь увидеть нечто ужасное, но вскоре любопытство взяло вверх над страхом. Открыв глаза, она пришла в ступор. Тело, словно статуя замерло на месте. Еще несколько минут назад они были в библиотеке, среди множества книг и бумаг, а теперь... Мозг отказывался воспринимать действительность, ведь они находились на улице, а перед глазами стоял огромный черный дворец, усыпанный со всех сторон плющом, таким же черным, как и сам замок.

Его высокие шпили прокалывали серые облака, скрываясь за этим плотным покрывалом. Высокая влажность этого места окутала полупрозрачную кожу девушки, и по спине пробежалась толпа мурашек.

Глава 4.

Генриетта долго стояла и смотрела на замок, казавшийся до боли знакомым. Он возвышался над деревьями, прямо как её собственный дом. Все напоминало здесь любимый Петербург, но даже такой пасмурный город как он не шел в сравнение с этим местом.

– Мам, а кто тут живет, и почему мы здесь? – оглядываясь по сторонам, спросила Гера. В ее голосе слышалась тревога, но она никак не вязалась со спокойствием матери.

– Дорогая, это наш дом, тут живем мы: ты, я и папа, просто сейчас мы находимся по другую сторону нашего привычного мира, – ответила Виктория таким спокойным тоном, будто в этом не было ничего сверхъестественного. – Пройдем в дом, на улице сегодня слишком пасмурно, – бросив взгляд на хмурые облака, проговорила Виктория.

В памяти девушки вспыхнули все возможные воспоминания с родным домом. И как бы не хотелось в это верить, но чернеющий замок перед глазами был им. Да, он отличался от привычного светящегося белизной замка Волковых и сейчас скорее напоминал логово Дракулы, чем теплую обитель, но это сто процентов был дом Генриетты. С этим долго спорить не приходилось.

– Но... Это невозможно, – пытаюсь переубедить саму себя, прошептала Генриетта и остановилась. Она почувство-

вала, как страх охватывает её с новой силой. Боясь сделать лишнее движение, будто от этого зависела её жизнь, Гера устояла на черном дворец.

Девушку обволакивал невидимый туман. Он застилал глаза и проникал в разум, сбивая в кучу все размышления. Он не был осязаемым для других, но девушка чувствовала его каждой клеточкой своего юного тела. Он был не только физически осязаем, он проникал внутрь тела, смешиваясь с теплой кровью и мягко распространялся по плоти.

Из этой пучины, едва различимо, донесся голос Виктории:

– Солнышко, ты дома, – она шептала, прикрывая рот шелковым платочком цвета спелой вишни. – Пройдем внутрь, и ты сама всё поймёшь. Мы тебе поможем во всем разобраться, милая, только обещай, что поверишь нам.

Гера чуть заметно кивнула, окутанная таинственным туманом и отправилась вслед за матерью в сторону замка. Они шли по густой траве тёмно-зеленого оттенка, необычайно темного, казавшегося нереальным. Все, что окружало девушку в данную минуту, казалось бредом какого-то сумасшедшего. Все вокруг имело мрачный вид: деревья казались тенями тех, к которым так привыкла Гера. Кругом слышались крики ворон, будто не было больше других птиц в округе. Весь этот мир будто специально залили темной краской, чтобы напустить большего страха на бедную девочку, пришедшую сюда с другой, светлой стороны.

Когда они наконец подошли к зданию и стали подниматься по мраморным ступеням, у Генриетты не осталось сомнений, что она действительно дома. Оковы тумана спали, и девушка почувствовала некое облегчение. Ноги уверенней зашагали по ступеням. Каждый камешек, каждая трещинка была знакома, Гера могла отличить их от сотни других таких же и ни за что бы не перепутала.

Огромные двери отворились перед своими хозяйками, приглашая их войти. Девушка обернулась на улицу, проверяя не сон ли это. Смолянистые деревья раскачивались из стороны в сторону под бушующим ветром. Как странно. На улице ветер казался ласкающим бризом. Действие тумана ослабло, разум очистился и соображать стало легче.

Внутри дома ничего не изменилось после их загадочного исчезновения, (видимо, не так много времени на это ушло). Все было на своих местах: любимые мягкие кресла, даже цветы, несмотря на всеобщий траур, так и остались пылать своими алыми бутонами.

– А где Чарльз? – оглядываясь по сторонам, поинтересовалась девушка.

– Остался в Петербурге, – сверкая глазами ответила Виктория.

И только сейчас девушка заметила, что они сменили цвет. С карих, обрамленных золотым ореолом на винно-красный. Возможно ли такое? Или это очередные фокусы «этого мира»?

Генриетта шла за матерью (уже опасливо озираясь на нее) по длинному коридору, который никак не могла отыскать в своей памяти, будто его и не существовало вовсе. Он был ничем не отличим от остальных коридоров их дома, не хватало лишь маленькой детали – цветов. Они дошли до самого конца и наткнулись на массивную дверь.

– Рабочий кабинет отца, – не проговорила, а будто пропела Виктория.

– «Какой звучный голос у мамы. И почему она раньше этого не замечала?» – восхищалась Генриетта в своих мыслях.

Раздумья о рабочем месте отца ушли на второй план, но ненадолго.

– «Офис!» – осенило девушку. От этой мысли у нее даже дыхание на мгновения сперло.

Отец всегда работал в офисе, удаленном от дома. Он всегда говорил, что не хочет отвлекаться на рутину рядом со своей семьей и тщательно разделял рабочие и личные отношения. Так много обмана хранилось в столь маленькой семье, что в голове не укладывалось...

Виктория постучала, а затем легонько толкнула дверь, будто та ничего не весила, и прошла внутрь. Генриетта последовала её примеру. Роман стоял у открытого окна, развернувшись спиной к дверям. Генриетта вспомнила о вопросах, которые хотела задать матери еще на улице:

– «Как он оказался здесь раньше нас, и куда он пропал, ведь в библиотеке мы были вместе?»

Комната оказалась небольшой, но вместительной. Стены были отделаны темными деревянными панелями, на полу лежал темно-красный ламинат. Большие светлые окна пропускали столько света, сколько было возможно. Мебели почти не было: огромный дубовый стол у окна, диван, по всей видимости, предназначенный для посетителей, был изготовлен из темно-зеленой кожи и черный шкаф для книг у восточной стены комнаты.

Звук голоса отца отвлек девушку от любования помещением.

– Я ждал вас. Присядьте, нас ждет трудный разговор. Я надеюсь, Генриетта, ты примешь это достойно семьи Волковых, – его тон, всегда казавшийся таким спокойным и ровным, сейчас выдавал некую тревогу и страх. Конечно, он мгновенно передался девушке.

Они опустились на диван, не проронив ни слова, а Генриетта в это время морально готовилась услышать то, от чего её жизнь перевернется с ног на голову. Она не знала, чем ее можно удивить еще и поэтому просто слушала, не задавая лишних вопросов. Но сердце начало бешено биться, когда отец сделал глубокий вдох и опустил голову.

– Генриетта, то что ты сегодня пережила было перемещением между мирами. Для этого мы используем различные порталы. Один из них ты сегодня видела в действии. Сейчас мы находимся на обратной стороне нашего мира. Это его тёмная сторона. Все, что ты увидишь здесь, существует

и там, – с этими словами Роман поднял палец вверх, но по-прежнему стоял спиной к девушке. – Но в его противоположном обличии. Например, наш дом, как ты уже сумела заметить, в Рендорне мрачноват, как и всё здесь, но об этом позже. Изменения претерпевает не только внешняя оболочка, но и люди, населявшие миры. Тот, кто в нашем мире был обычной Катей, здесь может стать ужасной пожирательницей смерти. Только этой возможностью наделен не каждый, – на этих словах он запнулся, будто набираясь смелости, снова глубоко вздохнул и продолжил. – Дорогая, только не пугайся, ведь мы по-прежнему твои родители и любим тебя с такой же силой, что и всегда, прошу не бойся нас, – он не закончил своей фразы, а лишь обернулся к дочери лицом и улыбнулся своей фирменной улыбкой.

Но она не вызвала прежнего трепета в душе. От того, что увидела девушка, душа ушла в пятки. Перед ней стоял её отец, и его улыбка была такой же искренней и любимой, если не считать одной детали – клыков! Настоящих клыков, которые имелись у тех симпатичных парней из романов про вампиров. Глаза Романа тоже изменились и уже имели тёмно-красный оттенок запечённой крови.

От такого сравнения девушка слегка передернулась, а дыхание сбилось от истерики, которая собиралась наброситься на нее.

– Вы... Вы что, вампиры? – задыхаясь от подступившего ужаса, выдохнула Генриетта. Осознание реальности никак

не хотело приближаться.

– Да, дорогая, и после своего совершеннолетия ты станешь одной из нас, – Роман не успел закончить свои слова, как Генриетта вскочила с дивана. От этой новости, как бы ни хотела девушка скрыть свои чувства, голова пошла кругом и хотелось только в ужасе бежать из проклятого дома.

– Я?! Как?! Почему?! Зачем?! И почему *"одной из нас"*? Вас что много?! – мысли бегали от одной к другой, вызывая дикую головную боль и пульсацию в висках. Она попятилась от дивана, на котором сидела вместе с матерью, в сторону открытого окна. Романа там уже не было.

Поняв, чего, а точнее кого, дочь так испугалась, Виктория не сдержала слез.

Резкий укол вины немного отрезвил девушку. Она осознала, что её поведение сильно задело родительские чувства. Да пусть её родители будут хоть гоблинами или злыми колдунами, но она не имела права бояться их словно прокажённых! На любой их выбор имелось объяснение, и Генриетта начала думать, что их решение было принято лишь с благими намерениями, а не с целью испортить жизнь своей дочери.

– Прости, мам, я не хотела вас обидеть, просто... Все так быстро произошло, так много навалилось в одно мгновение, простите меня, мам, пап, я не хотела, простите... – она присела на край дивана, по-прежнему испытывая страх, но её речь прервали слезы, которые с необычайной скоростью начали падать на подол платья. Виктория обняла дочь. Теперь

они уже плакали вместе, изредка отрываясь от всхлипываний и говоря, как сильно друг друга любят. Генриетта снова обратила внимание, что объятия матери больше не греют ее и кожа покрылась мурашками.

– Девочка наша, ты не должна извиняться перед нами, мы всё прекрасно понимаем. Это тяжело осознать, нам и самим когда-то пришлось это пережить, – Роман положил свою холодную ладонь на плечи своим рыдающим дамам, чтобы хоть немного их приободрить и продолжил. – У нас есть три месяца, чтобы подготовиться к твоему посвящению. Ты должна осознавать важность этого события и подготовиться на самом высшем уровне. В этом мы тебе поможем, можешь не сомневаться – он легонько улыбнулся, сверкая своими белоснежными клыками.

Страх немного отступил, освобождая место трезвому размышлению. Не каждый день узнаешь, что твои родители – вампиры!

– Хорошо... Я поняла, можно я пойду к себе в комнату и позвоню Софе? – спросила Гера. Ей не терпелось обо всем рассказать подруге.

– Да, девочка моя, но позвонить в тот мир ты сможешь только с нашего домашнего, здесь немного иные средства связи, – Виктория лукаво улыбнулась дочери. Видимо, Гере предстоит еще многое узнать об этом месте, и начало ей уже не нравилось.

– И да, милая, – окликнул ее Роман. – Ты не должна нико-

му об этом рассказывать. Придумай легенду для своих друзей. Эта информация не для простых смертных. Возможно, позже, София все узнает, но не сегодня, милая. Не сегодня.

А это оказалось куда сложнее, чем думала Генриетта изначально. Скрывать от подруги то, что она узнала, как это делали ее родители, было непросто задачей. К тому же, София слишком хорошо знала подругу и быстро догадается, что та ее обманывает. Но как бы то ни было, говорить правду о происхождении своей семьи запрещено.

Глава 5.

Генриетта покинула кабинет отца и отправилась к телефону, чтобы позвонить Софии – своей единственной подруге.

Она была из бедной семьи, и многие считали, что их дружба строится на меркантильности и жадности. Но ни один из сплетников не знал, через что пришлось пройти девушкам. Родители Софы считали Генриетту "избалованной фифой" и всячески преграждали дорогу их дружбе. Однажды, они выбросили платье Софии, которое Гера подарила ей на день рождения. Девушка долго не могла прийти в себя после такого поступка, но все же попросила Геру дарить что-то *«мелкое заметное»*.

Юная Волкова стояла около тумбы с домашним телефоном и подбирала нужные слова. Как сообщить подруге такие новости? От них она явно не начнет плясать от радости.

– «Как же сложно врать близким!» – с раздражением подумала девушка.

Но делать было нечего. Сегодня или завтра, София все узнает. Пусть лучше от нее, чем от ее родителей! Это казалось сродни предательству. Дрожащей рукой она набрала цифры и нажала на кнопку "вызов". Послышались длинные гудки, и вскоре раздался звонкий голосок подруги.

– Алло! Кто это?

– Алло! Совёнок, это Гера! – Как можно радостнее отве-

тила девушка.

– Герка! Наконец-то ты позвонила! Я уже начала переживать за тебя, думала, что-то случилось! – она начала тараторить, но Гера остановила её, не дав подруге даже шанса отвлечь себя.

– Соф, мне нужно тебе кое-что сказать... – она тяжело вздохнула. Слова будто обрели вес и тяжело давили на грудь. – В общем, после моего дня рождения я стану вместе с родителями управлять семейным бизнесом, для этого нам придется уехать... Очень далеко... – она замялась, собираясь с мыслями. – Мне придется бросить школу, – девушка зажмурилась, чтобы не дать вырваться наружу эмоциям и прикусила нижнюю губу.

– Это обязательно? – слышался голос.

– К сожалению, да, – огорчила подругу Генриетта.

Минуту спустя в трубке слышались всхлипы Софии.

В груди вдруг стало в два раза больнее, будто Гера сама виновата во всем, что происходит. Неужели подруга не понимает, что ее саму не радует такая перспектива? Что ей и самой не так легко даются эти слова? Генриетта не заметила струящихся по щекам потоков.

После пары минут молчания София смогла говорить, но слезы не переставали бежать по ее щекам. Гера это точно знала. Ее ранимая подруга будет плакать еще около часа, пока не выплачет все слезы в своем худеньком тельце. А на утро будет старательно замазывать следы горя дешевой космети-

кой, которую покупают ей родители.

– Но почему нужно уезжать? Как я без тебя теперь буду... Совсем одна? Надеюсь, ты будешь приезжать к нам? Мы будем общаться? – ее голос дрожал. Генриетта изо всех сил держалась, чтобы не разрыдаться, но на другом конце провода было слышно, как тяжело ей это дается.

Их последняя встреча была так давно. Еще в школе. Когда не было всех этих проблем и жизнь казалась беззаботной. Когда не было тайн и переживаний, когда не приходилось врать любимым людям.

– Софа, конечно я буду тебя навещать, я буду тебе звонить. Правда... – она сделала паузу. – Тут какие-то проблемы со связью, поэтому мы будем созваниваться с тобой с домашнего телефона. Прости, что так получилось, если бы я могла, я бы осталась в Питере, но родители уже всё решили за меня. Мне нужно понять, как устроен наш бизнес и вникнуть в суть, а ещё... – девушка хотела рассказать о том, что сегодня узнала, но вовремя осеклась. – Да ещё куча всяких дел. Я расскажу тебе все, как только смогу, обещаю.

Еще какое-то время девушки поболтали о жизни, вспомнили прошлое и обсудили последние новости в их городе. За разговорами Гера и не заметила, как пролетел час. Ей уже нужно было спускаться к обеду, с минуты на минуту за ней должны были прийти.

Попрощавшись с Софией, Гера побежала к себе, чтобы переодеться. Настроения выбирать наряд не было, и она

надела обычный брючный комбинезон чёрного цвета. Покрутившись у зеркала и оценив свое одеяние, она бросила небрежное "траурно" и поплелась к столу.

Родители уже ожидали дочь в большой комнате со светлыми стенами и мраморным чёрным полом. Она предназначалась для проведения банкетных вечеров и приёма разного рода гостей. Один из таких вечеров Волковы запомнили надолго. Папин коллега, который изрядно напился в тот день, разгромил зал так, что на его восстановление ушла большая часть сбережений семьи. После этого инцидента, Роман решил, что подобные встречи лучше проводить вне стен их замка, по крайней мере, за погром виновник будет расплачиваться самостоятельно.

Генриетта спустилась и присоединилась к трапезе. Роман и Виктория, с присущей им грациозностью, продолжали обедать. Перед девушкой лежало серебряное блюдо, на котором были две маленькие фарфоровые тарелочки: в одной был суп из морепродуктов, в другой лежал легкий овощной салат. Аппетита у девушки не было, поэтому она решила немного отодвинуть завесу тайн.

– Мам, я хотела спросить о письмах, которые сегодня утром принес Чарльз, – не поднимая взгляда от тарелки, спросила Гера. Она ковыряла свой салат вилкой, как будто там могли находиться ответы на все её вопросы.

Вопрос дочери заставил Викторию врасплох. Она даже перестала жевать и чуть не поперхнулась.

– Ах, ты о графе Темницком, – с улыбкой ответила Виктория. – Как бы это тебе сказать... В общем, он мой брат, то есть твой дядя.

Генриетта так и застыла с раскрытым ртом, в недоумении переводя взгляд то на мать, то на отца. Она прекрасно помнила рассказы родителей о том, что у них нет родственников, что все они или погибли, или пропали без вести. Собственно, как и мамин брат...

– Это уже интересно. – Отойдя от шока проговорила Генриетта. – Раз уж разговор зашёл о родственниках, я хочу знать всех, кто мне ими является, – ее внимание отвлек силуэт у входа. Она искоса поглядывала на тёмную фигуру, пытаясь разглядеть его черты. Заметив странный взгляд дочери, Роман поднял руку вверх и сделал жест, как бы приглашая незваного гостя войти. Он даже поднялся со стула, чтобы познакомиться пришедшего с дочерью.

– Знакомься, дорогая, это Людвиг – наш верный слуга. Таких как он называют тенями, но Людвигу больше нравится, когда его зовут по имени. Он не умеет говорить, но зато он отлично владеет телепатией, так что, чтобы с ним общаться, слова даже не нужны! Он удивительное создание! – отец восхищался им так, будто создал его своими руками.

На том месте, где по всем законам мироздания должен находиться человек, была лишь черная туманная масса, всеми чертами похожая на мужчину. Он стоял, а вернее парил над полом, едва касаясь его кончиками полупрозрачных ступ-

ней.

– А как он здесь оказался? – спросила Гера, не прекращая рассматривать незнакомца.

– О! Это ужасная история... – Роман вмиг помрачнел и поглядел на гостя. – С твоего позволения, Людвиг, я посвящу в неё свою дочь?

Тёмный силуэт слегка кивнул в знак согласия. Он был чёрным, но сквозь него можно было видеть все, как через мутное стекло. От него пахло затхлостью и пылью, вызывая в душе ощущение какого-то горя.

– Когда-то Людвиг был обычным мальчиком, – начал свой рассказ Роман. – Его родители были нашими соседями в Петербурге, очень богатыми и влиятельными людьми. К сожалению, именно такие семьи чаще всего посещает горе. И семья Людвига тому не исключение. В одну из роковых ночей родители умерли от разрыва сердца, их нашли уже под утро, на лицах их застыли гримасы ужаса, а глаза пылали страхом. В комнате, где их обнаружили, были найдены следы от огромной грязной лапы, а стены увешивали разодранные острыми когтями обои. Люди списали это всё на чью-то неумелую шутку, которая обернулась ужасны исходом. Но лишь в нашем мире известно, что это было. Когда бедный мальчик узнал о трагедии, он не смог с этим жить и сбросился с крыши двадцатиэтажного дома. Один из вампиров не смог пройти мимо и перенёс труп мальчика сюда. Уже здесь он перевоплотился в тень. Все, кто уходит из жизни по своей

воле, нарушая ход судьбы, в нашем мире становятся такими, как Людвиг. Когда они с его спасителем переместились сюда, мальчик не знал, что делать и куда идти, так как остался совершенно один, а мы великодушно согласились принять его в нашу семью за небольшую услугу: теперь Людвиг присматривает за нашим замком в Рендорне, как Чарльз в Петербурге.

Генриетта сидела и молчала. Правильнее всего сейчас было выразить свои соболезнования, но она была так шокирована, что, казалось, будто это выше её физических возможностей. В голове до сих пор стояла картинка комнаты с разобранными на стенах обоями и двумя трупами с гримасами ужаса.

– Ну что ж! Не будем о грустном, я прекрасно вижу ваши смешанные чувства, которые вызвала у вас моя история. Всё, что произошло, уже не изменить. Я предлагаю вам вернуться к обеду и продолжить семейный разговор. И еще раз извините меня, что я появился так не вовремя. – Голос был мягким и бархатистым, его тембр засел в самую душу, занял свое место в сердце. Генриетта не могла понять, откуда доносился звук, словно источник был в самой голове с начала ее жизни. Он не пугал своим присутствием, наоборот вселял умиротворение и спокойствие.

Когда черная фигура Людвига начала ускользать, девушка поняла, кому принадлежал голос. Она проводила Людвигу взглядом и подумала о том, что было бы неплохо узнать

приятного незнакомца поближе.

– У нас ещё много времени, чтобы познакомиться, Генриетта, – ответил Людвиг, скрываясь за поворотом.

Генриетта резко отвернула голову от силуэта и вспомнила, что отец говорил о телепатии их гостя. Красное лицо девушки ещё долго сияло от смущения. Никому не удавалось до этого дня так быстро вогнать её в краску.

Чтобы хоть как-то спасти ситуацию, Генриетта решила перевести разговор в другое русло.

– Ты так и не рассказала мне о Темницком, – обращаясь к матери, напомнила девушка. И зал наполнил звонкий смех супругов Волковых. Но было в этом смехе что-то неискреннее.

Глава 6.

Утро следующего дня началось с приятного пробуждения. Её будили не ненавистные трели будильника, а тот самый бархатистый голос.

– Гера, вставай, отец попросил разбудить тебя раньше обычного, – почти шёпотом проговорил Людвиг. Он нависал над ней, как грозовая туча.

Девушка сладко потянулась, наслаждаясь этими звуками. Лишь мгновение спустя она поняла, что прямо сейчас лежит в своей кровати и это уже не сон. И что она в одном нижнем белье! Подобрал одеяло и укрывшись им почти по самый нос, Генриетта огромными глазами смотрела на Людвигу. Краска залила лицо, а щеки пылали от смущения. Разум приказывал кричать, но девушка, словно зачарованная бархатными нотками его голоса, молчала.

Взглянув на эту картину, Людвиг начал громко смеяться. А Генриетта лишь сильнее заливалась краской. Он смеется над ней, значит она глупо выглядит. От этих мыслей даже слезы наворачивались на глаза. Первое впечатление было не из лучших. Ее обсмеяли в собственном доме!

– Прости, я совсем забыл, что ты здесь впервые и еще не привыкла к нашему миру. Прежде чем войти, я всегда проверяю комнаты, вдруг вы заняты или спите. И, поверь, я ви-

дел такое, что тебе лучше не знать. Понимаешь, я не люблю нарушать чужой покой, поэтому пользуюсь некоторыми своими возможностями... – он начал хохотать, когда снова заметил красное лицо Генриетты. Она так залилась краской, что на первый взгляд была родственником помидора, нежели дочерью вампиров.

– Ах да! Чуть не забыл, – подавив приступ смеха проговорил Людвиг. – У тебя на столе твой распорядок дня. После завтрака вы с Романом отправитесь знакомиться с фабрикой. А сейчас приведи себя в порядок, через час тебя ждут за столом. Он откланялся и собрался выходить из комнаты, но задержался, откликнувшись на голос девушки.

– Теперь тебе придется стучать, прежде, чем войти в мою комнату! – закричала из-под одеяла Гера.

– Хорошо, – неожиданно согласился Людвиг. – Кстати, тебе нечего бояться. Твоя фигура куда лучше, чем у нашей кухарки, – громко смеясь, проговорил тень. Он быстро удалился из комнаты, уворачиваясь от полетевшей в его сторону подушки. Он покинул комнату, не открывая дверей! Теперь Гера поняла, какими такими "некоторыми возможностями" пользовался Людвиг и прикусила губу.

– «Теперь нужно быть более внимательной. И прикупить себе пижаму» – подумала девушка.

Она медленно протянула руку к прикроватному столику, не забывая при этом крепко придерживать одеяло, и взяла список, который ей оставили. Почерк был аккуратным,

каждая заглавная буква украшена замысловатыми узорами.
Список был не из легких:

" 05:00. Подъём

06:00. Завтрак.

07:00. Поездка на фабрику.

10:30. Занятия в школе леди.

12:00. Обед.

13:00. Занятия в библиотеке. Семейная история.

15:30. Прогулка по Рендорну.

16:30. Свободное время.

18:00. Ужин.

23:00. Отбой. "

– Да-а, – протянула девушка. – Эти три месяца мне придётся серьёзно поработать, – пробубнила Гера. Она собралась, надела своё белое лёгкое платье и отправилась к столу.

После завтрака, как и значилось в списке, Генриетта вместе с Романом отправились на фабрику, чтобы поближе познакомиться с семейным бизнесом и узнать все тонкости его управления. Небо было по-прежнему затянуто серыми облаками, но создавалось впечатление, что на улице было солнечно. За время, проведенное здесь, Генриетта ни разу не замечала, чтобы облака хоть на минутку уступали место ясному небу.

Когда к дому подъехала машина, Гера заметила, что водительское сидение пусто. Ловко сворачивая с главной до-

роги, она передвигалась самостоятельно!

– Вот это техника! У вас тут что, все перемещаются на беспилотных транспортных? – с удивлением в глазах поинтересовалась девушка. Наверняка, сейчас она выглядела как ребенок, увидевший чудо. Хотя, именно так оно и было.

– С чего ты взяла, что машина ездит сама? Присмотрись внимательно, – с лёгкой ухмылкой ответил Роман.

И действительно, присмотревшись, Гера увидела тень и чудо развеялось. Только она была не чёрная, как Людвиг, а практически прозрачная, и, судя по фигуре, это была девушка.

– А почему она так сильно отличается от Людвига? – произнеся это имя, в груди что-то шевельнулось.

– Дело в том, что тени бывают разные. Как и люди, они не имеют абсолютных копий себя. Каждая тень индивидуальна. Их цвет зависит от эмоций, с которыми они умирали, а запах от способа смерти. Людвиг пахнет пылью, потому что умер от падения на асфальт, а чёрный он потому, что горел ненавистью ко всему миру... – он запнулся, когда машина подъехала к ним.

Дверь с водительской стороны открылась и из кабины выплыла почти прозрачная фигура девушки. У нее был небольшой рост и очень хрупкое телосложение. Когда она подошла ближе, Роман раскрыл для нее свои объятия. Словно они были давними друзьями.

– Здравствуй, Маша! Как давно мы не виделись, совсем

не было времени заглянуть в Рендорн, внезапные проблемы в Питере, – Роман врал, ведь проблем не было, они всего-навсего уезжали на море, поближе к любимому солнцу. Как странно, вампир, который с ума сходил от солнечных лучей! Казалось, он родился не тем, кем должен был. – Знакомься! Моя дочь Генриетта. Гера, это Маша – наш личный водитель. Она будет возить тебя на занятия, да и вообще туда, куда тебе понадобится.

– Приятно познакомиться, Вы очень похожи на маму, сразу видно, дочь знаменитых Волковых, – Маша протянула руку девушке, и та, к своему удивлению, почувствовала лёгкое прикосновение ладони. Голос Маши был тонким и мелодичным, наверняка, она была бы отличной солисткой.

– Мне тоже приятно познакомиться с тобой, Маша, – с легкой улыбкой, ответила Гера. – И прошу, не обращай ко мне на «Вы». Не думаю, что у нас большая разница в возрасте.

– Думаю, у нас все же большая разница. Только не в Ва... – запнулась девушка. – Не в твою пользу, – весело рассмеявшись проговорила Маша.

Эти слова заставили Генриетту задуматься о том, сколько же лет Маше, но она решила не думать об этом, ведь такие вопросы бестактны по отношению к девушке, пусть уже и мертвой.

Весь мир казался чем-то нереальным, и она ждала, что в один момент проснется и вся красота, и удивительные спо-

собности ее семьи упорхнут с остатками сонливости. Не может быть того, что сказки оживают! А может это и не сказки вовсе? Может все, что пишут в книгах действительно правда? Просто все спрятано под вуалью реальности, чтобы маленькие глупые люди не натворили еще больших глупостей?

Когда они втроем сели в машину, по салону разнёсся приятный морской аромат, и Гера поняла, что причиной гибели этой девушки стало море, но спрашивать об этом не стала.

Роман вел себя легко и непринужденно, не боялся каких-то косых Машиных взглядов, когда неуместно шутил или подпевал тихой песне из магнитоллы. Маша была не только личным водителем, но и членом семьи, как и Людвиг.

От воспоминания чудного незнакомца, девушка снова залилась румянцем. За такой короткий срок, Людвиг успел понравится девушке, хотя она смутно понимала, что он из себя представляет. И возможны ли их отношения, будь чувства взаимны? А что, если он пустой сосуд и чувства для него давно простой звук?

Чтобы отвлечься от назойливых и таких неприятных мыслей, девушка решила разглядеть местные пейзажи. Дорога до места назначения не заняла больше двадцати минут, за это время Генриетта не успела даже толком рассмотреть город. Точнее город она даже не видела. Только чёрные, как смола деревья тянулись нескончаемым коридором вдоль дороги.

Наконец, впереди показалась верхушка какого-то здания.

Трубы, из которых валил густой красноватый туман, окружали здание и создавали своеобразное кольцо по периметру фабрики. Здание выглядело очень жутко и наводило на еще более мрачные мысли. Генриетта не знала, чем занимались её родители, но, судя по всему, под их руководством создавалось что-то жизненно необходимое, раз Маша назвала их семью знаменитой. Возможно, они изобрели лекарство от смерти, на основе яда вампиров, а может занимаются продукцией, предотвращающей старение. Что бы это ни было, Генриетта сегодня с этим познакомится.

Машина остановилась возле кованых ворот, у которых стояли вооруженные охранники. Каждый мужчина был около двух метров в высоту и, наверное, столько же в ширину. Со стороны они выглядели, как квадратики из мышц. Генриетте показалось это забавным, но она отбросила шутки в сторону и напустила на себя серьезный вид.

– «Серьезная охрана – серьезное предприятие, – решила Генриетта. – Но, неужели родители думают, что я способна в это вникнуть и при этом, приносить пользу!?»

После того, как Генриетта и её отец попали на территорию фабрики, девушке стало не по себе. Кругом были люди, огражденные высокой железной решеткой. Одеты они были в белые длинные рубашки, волосы отсутствовали полностью, что у мужчин, что у женщин. Казалось, будто Генриетту привели на ознакомление с новой психиатрической больницей. Их лица не выдавали ни единой эмоции, будто их и не бы-

ло вовсе, будто все они напичканы мощными транквилизаторами. Пустые глаза и бессмысленные хождения по поляне. Где-то они собирались в небольшие группы и что-то мычали, будто обращаясь друг к другу.

– Пап, а что здесь делают все эти люди? – с опасением поинтересовалась девушка. Она не сводила глаз с маленькой девочки, которая стояла у дерева и смотрела вверх, на его крону. С момента, когда девушка зашла на фабрику, ребенок не поменял положения и даже не перевел взгляд на другой предмет.

– Понимаешь, милая, наша компания предоставляет всем вампирам мира кровь. Мы – единственные, кто смог получить лицензию на реализацию данного проекта. Эти люди зародились здесь искусственным образом, у них полностью отсутствует та часть мозга, которая отвечает за эмоции и все прочие качества, которые мы с тобой так старательно оберегаем. У них нет представления о родственных связях, полностью атрофирован материнский инстинкт. В один момент это вызвало очень большую проблему, но мы её уже решили, теперь все дети выращиваются в приборах, работающих по принципу инкубатора, мы назвали его "робо-мама". Все, кто тут живут, получают необходимое питание и заботу, мы поддерживаем их организмы в правильной форме, исключив из рациона всю вредную пищу. Они регулярно гуляют и спят здоровым сном. Так что, дорогая, прошу относиться к ним исключительно также, как раньше ты относилась к свинкам

и коровкам. Они живут тут для того, чтобы дать пропитание таким, как мы с мамой. Без нас они просто погибнут, за неимением инстинкта самосохранения.

Все, что говорил Роман звучало бы хорошо, за исключением того, что это просто ужасно! А текст, который он только что повествовал, был будто отрететирован раз сто! Он что готовился?

– Вы что, выращиваете людей, чтобы выкачивать из них кровь и продавать по различным ресторанам и кафешкам?! – вытаращив на него свои изумрудные глаза воскликнула Гера. Она уже смогла свыкнуться с мыслью, что ее родители вампиры, но с тем, что они убивают людей ради пропитания! Об этом она даже не задумывалась.

– Ну, получается, что так... – с легкой запинкой пробормотал Роман и прочистив горло, продолжил, как ни в чем не бывало. – Я прошу, не стоит так бурно реагировать на этот процесс, ты же не бегаешь по каждой ферме в Питере и не говоришь им о том, что они безжалостные твари, убивающие зверей ради своего пропитания! Тем более мы людей не убиваем, а всего-навсего заимствуем у них немного крови, причем в таком количестве, которое не вредит их общему состоянию. А теперь пройдем внутрь, я покажу тебе сам процесс производства. – Он развернулся к дочери спиной и направился ко входу в здание.

Генриетта была в полнейшем ступоре, она знала, что её родители имели бизнес, который приносил немалые деньги,

но она никогда бы не подумала, что они выращивают людей для пропитания вампиров. Да еще и просят относиться к этому, как к естественному процессу! Но больше всего ее пугала мысль о том, что однажды она сама станет такой же.

По дороге на фабрику, Генриетта не проронила ни слова. Она смотрела себе под ноги, чтобы не видеть тех людей за забором. И на мгновение в голове промелькнула мысль:

– «Хорошо, что они не говорят».

Внутри фабрики кипела работа, туда-сюда бегали разного рода рабочие. Они были высокие, загорелые, что не характерно для мест с такой погодой, и бугрились мышцами. Эткие красавчики для обложек модных журналов. Они таскали тяжёлые ящики, катили огромные бочки с красной жидкостью, от вида которой начинало тошнить. В воздухе витал сладковатый запах, от которого слегка мутило. Поднявшись на смотровую площадку, Роман начал рассказывать о процессе производства транспортировочной крови. Кругом пахло металлом, и девушка не могла дышать полной грудью.

– Кровь поступает из донорского отсека, там её выкачивают специальным аппаратом, и обрабатывают особым раствором от опасных для вампиров веществ. Люди сейчас употребляют так много всякой дряни, что пить прямо из шеи становится опасно. Прямо как игра "Русская рулетка", никогда не знаешь, какая шея будет твоей последней, – он рассмеялся, а Гере стало не по себе от такой неуместной, на её взгляд, шутки. – Видишь в центре три огромных чана? В них

поступает уже готовый продукт, там его кипятят и отправляют в фасовочный цех, в котором уже готовую кровь разливают по пакетам и готовят к перевозке...

Последние слова доносились будто сквозь вату. Гера начала чувствовать, как тошнота подбежала к груди, а воздух вдруг стал плотным и душным. В мгновение земля ушла из-под ног, тело стало тяжёлым, и она упала...

Глава 7.

«Ей снились люди. Они были в больнице. Огромная очередь из людей тянулась от входа до самого кабинета врача. Генриетта тихо подошла в конец и спросила, кто будет последним. Женщина, стоящая перед ней, медленно повернулась и уставилась на Геру пустыми глазами.

Генриетта отшатнулась и чуть не оступилась на мраморной лестнице. Она узнала ее. Картинка резко поменялась и вместо больницы появился ее дом. И та же самая очередь. Девушка прошла внутрь и последовала до того места, куда тянулись остальные. Очередь заканчивалась у рабочего кабинета отца.

Сердце бешено заколотилось, но девушка открыла дверь и прошла внутрь. У рабочего стола располагался стул, на котором сидела та самая девочка с фабрики. Она чего-то ждала. За столом, разбирая какие-то инструменты сидела девушка. На ней были белый докторский халат и шапочка из-под которой выпадали рыжие прядки.

Вдруг она подняла глаза на девочку, сидящую перед ней и Генриетта с ужасом узнала во «враче» себя. Дыхание сперло и ей стало трудно двигаться. Ее копия медленно поднялась со стула и направилась к ребенку. Генриетта пыталась кричать, но ее никто не слышал, словно она была за толстым стеклом. Ее копия подходила к девочке все ближе и ближе.

Ребенок даже не поднял на нее взгляд. Генриетта кричала и пыталась помочь девочке, но ноги не шевелились, словно были прикованы к полу. Копия молниеносно набросилась на ребенка и прокусила ей шею. Ужасный звук рвущегося мяса. Кровь брызнула на белоснежный халат. Девочка сидела смиренно и даже не шевелилась, будто ей и не было больно, только тонкая слеза потекла по румяной щеке.

Генриетта ощутила острую боль в горле, словно внутрь вливали кипяток. С каждой секундой она становилась все сильнее и сильнее...»

Она открыла глаза и, когда зрение полностью сфокусировалось, увидела, что лежит на кровати в абсолютно белой комнате. Руки и ноги ужасно затекли, и она не могла ими пошевелить. В горле оставалось небольшое першение, как при легкой простуде.

Помещение было пропитано белизной до такой степени, что различить, где стены, а где пол или потолок, было практически невозможно. Девушка огляделась: в комнате почти не было мебели. Одинокий стул возле кровати и маленький кофейный столик, это всё, чем располагала обитель Геры.

Предприняв попытку подняться, она осознала, что её привязали к кровати тугими ремнями. Запястья уже дико болели. Страх не заставил себя долго ждать, а паника накинулась на душу и, словно голодный зверь, кромсала её на куски. Гера билась ногами о спинку кровати, насколько позволяли слегка ослабевшие затяжки на щиколотках. Девушка

кричала нечеловеческим голосом, брыкалась, как загнанная в клетку птица.

– Кто-нибудь! Помогите! Эй!

Наконец на её крики пришли санитары. Два крупных загорелых парня. Их халаты сверкали той же тошнотворной белизной, а на лицах застыл страх. Они смотрели на девушку так, будто увидели призрака, хотя их этим зрелищем наверняка было не удивить.

– Что вы смотрите на меня?! Помогите мне выбраться! Иначе я расскажу отцу, каких безмозглых идиотов он держит у себя в компании! Быстро освободили меня от этих ремней! – они молча переглянулись, но выполнять просьбу не думали. Они явно взвешивали все «за» и «против». И видимо «против» было больше.

Непонятная ярость завладела разумом девушки, она была не в силах контролировать свои слова и поступки. Но ни один из мужчин не пошевелился, чтобы помочь Гере, они будто боялись, что она в мгновение ока растерзает их на мельчайшие кусочки. Секунда общего ступора прошла, когда в комнату вошёл Роман.

– Папа! – она стала немного спокойнее. – Скажи этим двум, чтобы меня отвязали, у меня руки затекли!

Он взглянул на дочь и ее былую ярость как рукой сняло. Никакие эмоции, кроме полного облегчения она не чувствовала.

– Думаю, уже можно. Мальчики, отвяжите мою дочь, –

будто оценивая ситуацию проговорил Роман.

Когда её наконец освободили, она долго ругалась и потирала места перевязки. Они покрылись синяками и кровоподтёками, а в некоторых местах была содрана кожа.

– Пап, что все это значит? Почему я здесь, да ещё и привязана, словно псих какой-то? – ярость вперемешку с бешенством вновь подступали к телу.

– Девочка моя, успокойся, иначе ты опять кого-нибудь покалечишь, – выставив руки перед собой, умолял Роман.

Слова отца никак не хотели обретать ясный смысл. Он боится свою дочь? Когда она успела превратиться в чудовище? И те двое бояться ее?! Да чтобы напугать этих самцов, нужно изрядно постараться!

– Что значит опять? – не понимала девушка.

– Ты сейчас в таком периоде, когда в тебе зарождается вампир, в вашем возрасте нормально такое психическое отклонение, как раздвоение личности, – медленно садясь на край кровати проговорил Роман. – Твоя тёмная сторона начала развиваться, а у тебя она настолько агрессивная, что мы не смогли сами с тобой справиться, ты выбросила одного из санитаров в окно! – будто с восторгом говорил Роман. – Поэтому во время властвования твоей вампирской личности, мы пристегнули тебя ремнями из серебряной нити. Благодаря чему ты больше никого не смогла покалечить.

Она чудовище! Она калечит своими руками живых людей! Неужели это настанет так быстро и совсем скоро ее сон

превратиться в реальность? Она будет есть невинных детей! От таких мыслей в горле встал ком и глаза стали мокрыми от слез.

– А с ним всё нормально? С тем санитаром, – девушка невольно глянула за закрытое окно с искорёженными решетками.

Неужели это ее рук дело? Когда она успела стать таким монстром?

– Да! Не переживай, на этих собаках все быстро заживает, – он рассмеялся таким искренним смехом, что девушке вмиг стало легче. – Весь персонал на фабрике состоит из оборотней: полулюдей, полуволков.

Девушка снова удивилась, как легко и непринужденно отец рассказывал дочери о всех чудесах этого мира. Ей нужно время, чтобы осознать все происходящее и начать относиться к этому также спокойно, как родители. Но сможет ли она?

Дверь распахнулась, громко ударившись о бетонную стену. Все, кто находился в комнате, обернулись на звук.

– А вот и наша мамуля приехала, – просиял Роман.

В комнату вбежала испуганная Виктория. Она устремилась к дочери, схватила её за лицо и, убедившись, что все хорошо, чмокнула в лоб.

– Бог мой, как ты меня напугала! Упала в обморок прямо на фабрике! Как же я переживала. Роман, ты поговорил с доктором? Что он сказал по этому поводу?

Казалось, что Виктория говорила со скоростью света! Слова срывались с губ даже до того момента, как Генриетта начинала понимать смысл предыдущих.

– Любимая, ты не поверишь, но то, что он мне сказал, также странно, как и моя любовь к солнцу. Во-первых, он поздравил нас, в Генриетте зародился довольно сильный и могущественный вампир, из разряда высших, – от этих слов Генриетта невольно дернулась, а санитары, стоящие в углу комнаты, напряглись, готовясь к новой «схватке». – Во-вторых, наша дочь потеряла сознание из-за того, что у неё редкая непереносимость крови, но это пройдёт после посвящения, не переживай. Доктор посоветовал перед ритуалом больше отдыхать, девочке придётся морально вымотаться, так что на неделю, я думаю, мы отправим её в Петербург, пусть встретится с друзьями, развеется.

Сказать, что Генриетта обрадовалась – ничего не сказать. Она ужасно соскучилась по Софе и сильно переживала, ведь подруга не брала трубку с момента последнего разговора. Да и за последние дни у девушки настолько ухудшилось состояние, что недельный отпуск ей точно пошёл бы на пользу.

Петербург.

На улице лил дождь, солнце едва выглядывало из-за затянувших всё небо туч. Люди сновали туда-сюда в поисках укрытия от внезапной напасти, и только Генриетта стояла посреди улицы и радовалась возвращению в любимый город.

Это был город её сердца, она родилась тут и уже никогда не смогла бы спокойно жить в другом месте. Питер оставил свой след на душе каждого, кто бывал здесь. Он завораживает своей красотой, своей уникальностью и разнообразием. Генриетта любила именно дождливый Питер, в нем было что-то загадочное и в то же время романтическое, в такую погоду на улицах было мало людей, можно было спокойно расхаживать под ласкающими тебя каплями, не боясь столкнуться с каким-нибудь хмурым, недоброжелательным человеком. Люди здесь были такие же своеобразные, как и сам город, они могли в один миг заразить тебя своим настроением, (особенно хорошо это получалось у мрачных личностей), но как бы то ни было, все кругом старались поддерживать свою культурную столицу во всей красе.

Генриетта поймала по дороге такси и назвала адрес дома Софии. Она решила, что навестит свою любимую подругу без предупреждения и плевать, что её родители будут против. Они всегда старались отгородить свою дочь от Генриетты, но в этот раз им это не удастся.

Дорога до дома Софии занимала около часа, за это время можно было вдоволь налюбоваться прекрасными пейзажами города и полностью пропитаться его атмосферой. Иногда Генриетта была благодарна родителям Софии, что они поселились в самом дальнем уголке города, ведь она просто обожала улицы Питера.

На очередном повороте Генриетта увидела девушку, ко-

торая тащила за собой большой чемодан, на её лице была размазана тушь и, судя по всему, она была не совсем трезвой. Когда машина поравнялась с ней, Гера увидела, что эта девушка – София! Доли секунд прошли, но она точно знала, что это её подруга. Она попросила остановиться, бросила деньги на переднее сидение, выскочила из машины и побежала вслед за девушкой.

– София! София! Подожди! Да стой же ты! – как можно громче кричала Генриетта.

Наконец, добежав до подруги, Гера опустила руки на колени и, тяжело дыша, пыталась узнать, почему София здесь, да ещё и в таком виде. Но у неё ничего не вышло. Во-первых, она так и не смогла внятно задать вопрос из-за сбившегося дыхания, а во-вторых, София и не смогла бы внятно на него ответить, её язык заплетался, тело качало в разные стороны, она была настолько пьяна, что не могла связать и двух слов. К счастью девушек, таксист ещё не уехал, ему было очень интересно, чем же закончится эта своеобразная встреча. Огромных усилий стоило Генриетте затащить подругу в машину, она кричала непонятные слова, все время пыталась поцеловать девушку, тем самым очень затрудняла общее движение. Когда они наконец сели в салон, София заплакала.

– Твари... Все... Какие же они твари! Я верила, а они... – очень сложно было понять, что говорит пьяная в «стельку», да к тому же плачущая девушка.

Такси подъехало к дому Генриетты. Она заранее позвони-

ла и попросила Чарльза позвать кого-нибудь из слуг, чтобы они помогли Софии добраться до комнаты и уложить ее в постель.

После столь изнурительной «тренировки», девушка уснула прямо на кресле, рядом с Софией.

Ей снилась собственная свадьба, а точнее тот момент, когда жених надевает кольцо на палец. Его лица Гера не видела, но ощущала, что просто переполнена любовью. Этот сон длился пол часа или целую ночь, девушка не помнила, она отдалась приятным ощущениям и испытала то, чего давно не испытывала наяву. Реальная жизнь не интересовала ее, и Гера отдалась сладким иллюзиям...

– Генриетта Романовна, не желаете ли Вы завтракать? – голос дворецкого разбудил её. Она, смутно припоминая события вчерашнего вечера, начала глазами искать Софию, которой почему-то нигде не было.

– Да, Чарльз, я спущусь через двадцать минут. А где София? – разминая затекшую за ночь спину, спросила Гера.

– Ваша подруга очень плохо себя чувствовала с утра, я отправил её в соседнюю комнату и вызвал нашего доктора, они все ещё там. Вы можете пройти к ней, поинтересоваться её самочувствием.

– Да, конечно, спасибо! Как только закончим, мы придем завтракать.

– Хорошо, через пятнадцать минут, стол накроют. Я пере-

дам Вашим родителям о вашей возможной задержке, – она поклонилась девушке и вышел из комнаты.

Генриетта поднялась с кресла и поспешила туда, где ее ждали София и Генрих – их личный доктор. В голове смутно мелькал образ пьяной подруги.

– О, доброе утро мисс Генриетта, – поприветствовал доктор своим баритоном. – Вашей подружке нездоровилось, и Чарльз вызвал меня, но сейчас уже все хорошо. Я дал ей микстуру от отравления. Вчера она употребила так много спиртного, что её организм не выдержал пытки и сдался! Тем более, судя по всему, алкоголь был очень дешёвым, что вдвойне ухудшило положение. Я рад, что у неё быстрый обмен веществ, самого худшего она смогла избежать лишь благодаря этому, иначе... – он не стал заканчивать свой монолог, чтобы не пугать пациентку.

– Благодарю вас, Генрих, если ваше присутствие больше не нужно, Вы можете быть свободны, – с легкой улыбкой сказала Генриетта, но на душе у неё было очень беспокойно.

– Да, теперь все хорошо, и я могу оставить Вашу подругу. Тем более, она в надежных руках, – подмигнув Генриетте, проговорил Генрих. У Волковых этот врач работал давно, а Генриетта всегда обращалась по любым вопросам только к нему. Он лично подбирал для нее нужные препараты или, если это было необходимо, других врачей. – Сейчас ей нужно больше пить, чтобы вывести остатки лекарства. И стоит воздержаться от тяжелой пищи и пару недель не пить алко-

голь.

Откланявшись, доктор покинул комнату, а Генриетта напала на подружку с расспросами. Было видно, что она чувствует себя уже лучше, нежели вчера.

– Что случилось милая, почему ты была в таком состоянии, да еще и с чемоданом! Тебя что, выгнали из дома? Ты только скажи, я сама лично поеду к твоим родителям, заберу все твои документы, и ты больше никогда с ними не увидишься! – ее распирала злость.

– Нет, Гера, я сама ушла... Понимаешь, вчера я услышала разговор родителей. Они говорили, что всё, что ты будешь мне писать на почту, они будут сжигать, а твой домашний телефон добавили в чёрный список! Они хотели, чтобы я навсегда прекратила общение с тобой! Называли тебя всякими грязными словами, оскорбляли твою семью. Я не смогла это терпеть и высказала им всё, что о них думаю, а потом... – она расплакалась, повернулась боком и Гера увидела на ее лице синяк, которого вчера не было, наверное, снова замазывала тональным кремом.

– Этот подонок что ударил тебя?! Да я сейчас же позвоню в полицию, пусть он за всё ответит!

– Гера, это был не отец, он просто сидел и смотрел, как мама била меня, – задыхаясь от слез, рассказывала София. – Она толкнула меня в стену, я ударилась спиной о тумбу, а потом она схватила меня за горло и ударила по лицу... Кулаком... – после этого она разрыдалась, а Гера сидела и пребы-

вала в полнейшем недоумении. Мать била родную дочь из-за подруги. Из-за неё.

Конечно, многим было известно, что Полаченские не самые лучшие родители, но они никогда не били своих детей. По крайней мере, об этом никогда не говорили. Неужели София терпела такое отношение все эти годы?!

– Понимаешь, я не думала, что они способны на такое... Раньше мама могла ударить меня, но это были легкие пощечины. Она никогда не била меня до синяков. И ночью, когда все спали, я собрала вещи, документы и ушла. По дороге я зашла в местный магазин и купила самую дешёвую водку. У меня не было денег и все, что я собирала на поступление я потратила в алкогольном ларьке. Там было немного, мне почти не давали откладывать сбережений, а накопила я около пяти тысяч, не больше. Я хотела напиться до смерти, хотела умереть, пока они не нашли меня, я хотела, чтобы они увидели, что наделали... – она сидела и плакала, крепко обняв подругу. Гера ласково гладила ее по голове, как это всегда делала ее мама.

– Не переживай, теперь я тебя им не отдам. Мы поедем в школу, заберём твои документы, ты будешь жить с нами. Тебе ведь недавно исполнилось восемнадцать лет? – София кивнула. – Отлично! Ты можешь сама все сделать, а мои родители все поймут, они примут тебя, не беспокойся. Теперь мы вместе, ты в безопасности.

Генриетта утаила рассказ о потустороннем мире и о том,

что София, возможно, сильно изменится после перемещения. Для Геры было главным обеспечить подруге безопасность и спокойную жизнь вдали от родителей-извергов. А встречу с вампирами она точно сможет пережить.

Глава 8.

После завтрака девушки отправились в учебное заведение, чтобы забрать документы. Эту ужасную ситуацию Генриетта рассказала своим родителям сама, и они, как и предполагала девушка, с радостью согласились принять Софию.

– Гера, после завтрака мы с мамой будем вынуждены уехать. Поэтому до конца недели вы с Софией предоставлены сами себе, – весело подмигнув дочери, предупредил Роман.

Девушка мило улыбнулась на предупреждение отца. Она знала, что родители уезжают в Рендорн. Но при этом прекрасно понимала, что Чарльз поддерживает с ними связь и в случае чего, они быстро вернуться домой. Но она искренне надеялась, что до этого не дойдет.

– Только никаких безрассудных поступков! – улыбаясь, запротестовала Виктория.

Они весело рассмеялись, а София лишь горько усмехнулась. Ей не хватало такого легкого общения с родителями. Если признаться, она завидовала Гере. У нее было все: модельная внешность, стройная фигура, обеспеченная жизнь и главное – любящие родители, которые поддерживали ее во всем. Она всегда мечтала быть настоящим членом семьи Волковых, чтобы и ей досталась хоть маленькая часть этой огромной любви.

Такси уже подъехало, а София всё не решалась показаться в том платье, что дала ей Гера. Но последнюю было не переубедить, поэтому Софа сдалась. Из ванной вышла небывалой красоты девушка, которая выглядела так, будто только что сошла с обложки модного журнала. Её светлые волосы были заплетены в небрежную косу и лежали на оголённом плече. Платье точно подчеркивало все прелести юной фигуры, а небесно-голубой цвет придавал глазам сияния.

– Ты красавица! – с истинным восхищением проговорила Генриетта. – Я совсем не понимаю, почему ты себя стесняешься. После того, как решим документальные проблемы, помчим в магазин, купим тебе нормальной одежды.

– Может не нужно? Мне и в моей одежде вполне комфортно, – ей было неловко, что Генриетта обрушила на нее целый вагон заботы. Она чувствовала себя обязанной ей за то, что живет в доме ее родителей.

– Так, солдат! Глянцевая армия ждёт пополнения в свои ряды! – Гера попыталась сделать серьёзное лицо и встать по стойке "смирно", при этом, отдавая честь, но у неё ничего не получилось, и девушки расхохотались во весь голос.

Впервые за долгое время София искренне смеялась. Так легко и беспечно она не чувствовала себя давно. С Герой и ее родителями не нужно было задумываться о своих проблемах. С ними она чувствовала себя собой и ей это нравилось.

На улице ярко светило солнце, небо было ясное, и ни одно облако не намерено было нарушить эту идиллию. Генриетта подумала о том, что в Рендорне такой погоды не бывает и слегка огорчилась. Когда она станет вампиром, радости обычной жизни уйдут на второй план. Как жаль, что она не может выбирать свою судьбу.

Гера шла впереди, а София медленно плелась за подругой, по её лицу было понятно, она очень боялась перемен. Когда девушки подходили к дверям директора, в проходе Гера врезалась в какую-то женщину, которая резко перед ними остановилась.

– Извините, я вас не заметила, – потирая ушибленное плечо, извинилась девушка.

– Ох, да ты не только избалованная, но и неуклюжая, как бегемот! – Голос женщины показался знакомым, но Генриетта не могла вспомнить, когда именно они встречались. Но когда та обернулась, девушка с ужасом осознала, кто это. Перед ней стояла сама Маргарита Павловна – мать Софии. От ее взгляда по спине пробежал холодок.

– Я бы попросила попридержать оскорбления для вашего несостоявшегося мужа, а нас, будьте так добры, пропустите, мы очень торопимся! – она схватила Софию за руку и попыталась пройти вперёд, но Маргарита остановила их, крепко вцепившись в плечо дочери. Дверь в кабинет директора захлопнулась прямо перед носом юной Волковой.

– Хм, смотрю, она одела тебя под стать таким же легко-

мысленным девицам, как и сама, – презрительно ухмыляясь, проговорила Маргарита.

София сжалась. По ее лицу было видно, как сильно она боится матери.

– Мам, мне нравится это платье. И я очень благодарна Гере, что она мне его подарила, – пролепетала София, пытаясь вырваться из цепкой хватки матери, но та лишь крепче впила ногтями в плечо. От этого, София негромко взвизгнула.

В Генриетте закипала злость. Казалось, что еще немного и она не сможет с ней справляться. Она сделала несколько глубоких вдохов и сжала руки в кулаки, на всякий случай выпустив ладонь Софии.

– Маргарита Павловна, прекратите меня оскорблять. Поверьте, меня ваши грязные слова нисколько не трогают. Но я думаю, что Софии неприятно это слушать, – сдерживая свою злость, проговорила Генриетта.

Женщина впила в нее полным ярости взглядом и прошипела, подобно змее:

– Я не позволю, чтобы моя дочь выглядела, как продажная дрянь... – она замахнулась, чтобы ударить Софию, но не успела этого сделать, как отлетела к противоположной стене.

Генриетта стояла рядом с подругой и в недоумении смотрела на свои руки. Откуда в них такая сила, что с лёгкостью отбросила Маргариту, словно та не весила и грамма?! Последний раз такое случалось только в Рендорне, но там было все ясно, она была в потустороннем мире, в котором сильно

разыгралась её тёмная сторона, но сейчас... Что происходило сейчас?! Она не понимала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.